

СЛОВО СВОБОДНОЕ, ЧИСТОЕ...

100 лет со дня рождения А. А. Ахматовой

Поэтические праздники, посвященные памяти крупнейших мастеров русского стиха, давно стали традицией. Ежегодные Пушкинские дни, Некрасовские, Тютчевские, Есенинские... И вот нынче на наших глазах рождается еще один поэтический праздник — Ахматовский. А 1989 год решением ЮНЕСКО объявлен годом Ахматовой.

СЕГОДНЯ, когда к нам наконец возвращается все написанное Анной Андреевной, думается, стоит хотя бы кратко вспомнить, как случилось, что великие ее строки оказались скрытыми от нас. Первым из крупных деятелей новой власти, кто произнес неслучайные слова в ее адрес, был Л. Д. Троцкий. Занимая в годы гражданской войны ответственный пост наркомвоендела он успел тогда же написать книгу «Литература и революция». Вне всякого сомнения он понимал масштаб таланта, по его словам, «даровитейшей Ахматовой», но считал необходимым оценивать его, так сказать, с классовых позиций. Выразился Троцкий весьма язвительно: «Литературный круг Ахматовой очень мал. Он охватывает самое поэтическое, неизвестное в котелке или со шпорами и непременно бога без особых примет».

Это было только начало. Вульгарные социологи, чье «учение» тогда лишь формировалось, взяли куда более прокурорский тон. Но надо сказать, что люди, чувствующие поэзию, пытались защитить поэтессу. В 1922 году в «Правде» известный партийный публицист Н. Осинский пытался осадить ретивых критиков: «Не обругала тут революцию Ахматова, а воспела ее, воспела то прекрасное, что родилось в огне ее и подводит все ближе, что мы завоюем, вырвавшись из уз голода и нужды». О том же писала в 1923 году в «Письме к трудящейся молодежи» Александра Коллонтай: «Ахматова вовсе не такая нам «чужая», как это кажется с первого взгляда. В ее стихах трепещет и бьется живая, близкая, знакомая нам душа женщины переходной эпохи, эпохи ломки человеческой психологии, эпохи мертвой схватки двух культур, двух идеологий — буржуазной и пролетарской. Анна Ахматова — на стороне не отживающей, а создающейся идеологии». Однако за эти точные и честные слова Коллонтай тут же получила хлесткий разносторонний ответ в статье «Гражданка Ахматова и товарищ Коллонтай», написанной одним из самых ультрареволюционных критиков — Б. Арбатовым.

К 1930 году, когда появился первый том «Литературной энциклопедии», стереотип отношения к Ахматовой был сформирован. В статье о ее деятельности представлен набор ярлыков: «поэтесса дворянства», «вымирающие потомки», «узкая область интимнейших эротических переживаний», «мистические переживания, характерные для класса нисходящих».

ПРИВОЖУ пространные выдержки, поскольку они имеют непосредственное отношение к «мировому разному», как назвала Анна Андреевна в одном из писем ныне уже отмененное постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и доклад Жданова на ту же тему. Вот что любопытно: если Троцкий хотя бы прочитал сборники Ахматовой, публично признал ее дарование и высказал собственные мысли на сей счет, то Жданов уже ничуть не утруждал себя подобными занятиями. В его докладе лишь приведены слегка переставленные слова из статьи в «Литературной энциклопедии». Единственное, что главный идеолог выполнил сам, — обильно уснастил переделанный текст грубой бранью, на какую никто не решился в 1930-м: «представитель безыдейного реакционного болота», «до убожества ограничен диапазон», «поэзия взбесившейся барыньки», «ахматовская поэзия совершенно далека от народа».

Не то самое горькое, что эта безграмотная чушь была сказана на всю страну о прекрасных образцах отечественной поэзии, написанных чистым, звонким русским языком. Но даже и в самом обыденном, житейском смысле было беспардонной ложью утверждать, что Ахматова отгораживалась от народа. Фанатично, истово она верила в свой народ, в его великое будущее. Несмотря на все лишения, несправедливости и прямые издевательства, осталась верна Родине, разделила судьбу простых людей России.

В 1920 году известный физик Д. Франк-Каменецкий встретил Ахматову на Невском. На ногах прекрасной женщины были развалившиеся калоши, подвязанные веревочками... А в страшные годы ежовщины она 17 месяцев, как на работу, ходила через Литейный мост на Выборгскую сторону и долгими часами стояла в очередях у кирпичной стены тюрьмы «Кресты», надеясь что-нибудь узнать о судьбе арестованного сына, который безвинно отсидел 14 лет. «Как-то раз кто-то «опознал» меня, — вспоминает Анна Андреевна. — Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом): — А это вы можете описать?»

И я сказала: — Мору». Вот вам вариант «социального заказа», правда, не совсем того, о котором так много писали теоретики социалистического реализма. Только недавно мы смогли наконец прочитать ее чеканный трагический «Реквием»:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных маршусь.
А потом пришла война. С первых дней Ахматова — член дружины противовоздушной обороны. С противогазом через плечо дежурит она на крыше Фонтанного дома, шьет мешки для песка, которыми укрывают памятники и укрепляют амбразуры в угловых зданиях, во время бомбежки спешит в щели, вырытые здесь же, в садике, под ее окнами. И только когда наступила самая страшная пора, по решению городских властей ее эвакуируют в Ташкент. Вся страна услышала сказанные ею тогда, в начале сорок второго, торжественные исповедальные строки:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем

Навеки!
ТАК она жила. И потому имела право к тщательному берегаемой рукописи «Реквиема» поставить эпиграфом написанное гораздо позже, в шестидесятых:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Двадцать четвертого июня в южном флигеле Фонтанного дома открывается новый музей Анны Ахматовой. Этот дворец, построенный в восемнадцатом веке для одного из самых богатых русских вельмож, видел в своих стенах многих великих на-

ших соотечественников. Здесь жила и умерла знаменитая крепостная актриса Параша Ковалева-Жемчугова, на которой, к ужасу двора, женился граф Шереметев. По преданию, здесь Пушкин позировал Кипренскому для известного портрета. Здесь некоторое время жил Вяземский, и у него бывали все видные литераторы той поры.

В двадцатом веке здесь более 30 лет жила Ахматова. Правда, не в парадных залах, не в главном корпусе, а на третьем этаже флигеля, выходящего в глухой дворцовый садик. Здесь в начале двадцатых годов получил квартиру искусствовед Н. Н. Пунин, третий муж Ахматовой. Увы, брак был недолговечный, супруги развелись, но тугой узел судьбы завязался так, что Анна Андреевна осталась жить в той же, теперь уже коммунальной квартире, в небольшой комнате, единственное окно которой выходило в сад. Здесь написаны «Реквием», «Поэма без героя», многие стихотворения. Сюда же вернулась Ахматова из эвакуации, жила и в 1949-м, когда конвойные увели из квартиры арестованного Пунина, который спустя 4 года умер в лагере.

Мемориальная комната-музей и стала центром созданной в очень сжатые сроки экспозиции. Фотографии близких ей людей, личные вещи, ломберный столик, за которым она любила писать. Старинный сундук, где хранила бумаги и рукописи. И особый «экспонат» — окно, в которое столько лет она смотрела на «шереметевские» липы, на заветный, многократно упоминаемый в стихах клен, через которое слушала «перекличку домовых».

Особенных претензий не имею
Я к этому сиятельному дому,
Но так случилось, что почти всю жизнь
Я провела под знаменитой кровлей
Фонтанного дворца...

Новый музей — главная премьера юбилейных дней, но далеко не единственная. Отмечаются они и в городе Пушкине (бывшем Царском Селе), куда привезли ее годовалым ребенком и где жила она до 16 лет, где и «появилась» впервые собственно Анна Ахматова — ведь юной Ане Горенко отец строго-настрого запретил печатать стихи, вот она и взяла у своей прабабки Прасковьи Федосеевны Мотовиловой ее девичью фамилию Ахматова в качестве литературного псевдонима. В этом городе на здании бывшей гимназии, где училась Аня Горенко, открыта памятная доска.

И еще одна волнующая премьера — новая работа известного кинодокументалиста Семена Арановича «Личное дело Ахматовой». В марте 1966 года, находясь в Москве, он узнал, что скончалась Ахматова и похороны будут в Ленинграде. Срочно вылетел в Ленинград и вместе с группой снимал, как выгружали из самолета скорбный ящик с гробом, как вскрывали цинковый гроб перед отпеванием. И само отпевание в Никольском соборе, и похороны в Комарове. Теперь эти подлинные кадры вместе с теми крохами, что удалось собрать в хронике наших и зарубежных операторов (Ахматову снимали очень редко), сведены в один строгий, достоверный фильм. Вспоминаются пророческие строки:

Но все-таки узнают голос мой,
И все-таки ему опять поверят.
А. ГЕРВАШ.
ЛЕНИНГРАД.

Рис. Э. ЯРОВА.